

Фото из личного архива
Дмитрия Сладкова

Своя доска. Методологи / His Own Board. Methodologists

Я знал Марка Григорьевича всю свою сознательную жизнь: после того, как, закончив в 1986 году обучение на архитектурном факультете и выйдя за его стены, ощутил острое неудовлетворение и уровнем своего образования, и всем тем, что именовалось «архитектурной практикой». Осознание толкало на поиск альтернатив, а некоторая, еще студенческая, начитанность, как и доходящие до Воронежа слухи о методологах и их играх, вполне определенно указывали, где эти альтернативы искать. Так мне попался в руки сборник «Системные исследования» за 1986 год под редакцией Гвишиани, а в нем – программная статья Г. П. Щедровицкого «Схема мышледеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание». В статье есть более чем знаменательное упоминание о М. Г. Мееровиче – молодом архитекторе, аспиранте, совершившем в августе 1980 года действие, смысл и значение которого, кажется, до сих пор недооценены архитектурным сообществом.

Три десятилетия Марк как-то чудесным образом всегда был где-то рядом: о нем много говорили на ОДИ; вспоминали воронежские коллеги, учившиеся с ним в аспирантуре; появлялись неожиданные общие знакомые; его ставил мне в пример Г. П. Щедровицкий, когда я поступал к нему в аспирантуру НИИТАГа; были постоянно на слуху, в работе его книги и статьи; косвенная переписка в блоге А. Г. Раппапорта и прямая – по поводу одной из его книг. Лично

встретились мы единственный раз – в 2015 году, в Железноводске, на Смотре ВКР по архитектурным направлениям образования. И сразу узнали друг друга.

Творческая, научная, педагогическая судьба была щедра к Марку Григорьевичу: он – обладатель, наверное, всех мыслимых наград и званий. Однако что же произошло в августе 1980 г-оду, когда вся его насыщенная жизнь была еще впереди?

«В ходе ОДИ-3, – пишет в упомянутой статье Г. П. Щедровицкий, – в процессе дискуссии в одной из игровых групп сложилась такая ситуация, когда один из участников общей работы в группе – М. Г. Меерович должен был во что бы то ни стало показать, что у него как молодого, или «нового», архитектора, несмотря на то что он участвует в общей коммуникации и должен участвовать в общем действии, совершенно другое содержание мышления, нежели у остальных членов группы, которых он называл «старыми» архитекторами. И, чтобы зафиксировать и сделать этот момент наглядным, М. Г. Меерович зарисовал на схеме, которая изображала расстановку позиций во время дискуссии и затем была названа организационно-деятельностной, рядом с каждым знаком позиции еще особую доску (или отдельный лист бумаги), на которой строились индивидуальные схемы содержания мышления, и наотрез отказался переносить какие-либо схемы со своей индивидуальной доски на общую доску группы»

Аспирантура. Кино / Postgraduate Education. Cinema

и обратно – с общей доски на свою индивидуальную доску. В силу этого индивидуальное мышление, осуществляемое на индивидуальных досках (или листках бумаги), отделилось от общегруппового процесса мысли-коммуникации и получило свое собственное схематическое (и потому материализованное) обозначение и выражение...».

Если и возможна индивидуация как действие – то вот так. Но здесь не простое самоутверждение: шаг молодого Марка Мееровича оформляет историческую ситуацию в профессии, схематизирует фундаментальный перелом в самосознании архитектора и дает средство этот перелом конструктивно мыслить. Право на индивидуальное мышление – нетривиально, за него стоит бороться, разоблачая мифы обезличенного коллективизма, чем и занимался в дальнейшем и в различных формах Марк Григорьевич. «Своя доска», заявленная в аспирантские годы, наполнилась множеством знаков, обеспечивающих яркую и эффективную коммуникацию, питающих совместную деятельность, уже не теряющую индивидуальности. Сопоставить осуществленное действие можно лишь с введением масштабных чертежей Леонам Баттистой Альберти, также предназначенных для разжевывания со «старыми» архитекторами и «готическими» прорабами, – с семиотическим и экзистенциальным подвигом, переводящими профессию на качественно иной уровень.

Первое сообщение от Марка о прекращении контактов – но и о теплящейся еще надежде – мы получили на телефоны во время банкета по поводу завершения другого Смотра ВКР – в сентябре 2018 года в Волгограде. Цифровые табло телефонов многих коллег со всей страны, собравшихся в одном зале, связались с его экраном, с его индивидуальной «доской» – увы, на этот раз по печальному поводу...

**Петр Капустин /
Petr Kapustin**

*Время – расстояние
между каплями дождя.
Поцелуй прощальный греет губы.
Ворох листьев у ворот монастыря.
Жестяной архангел трубит в трубы.*

Монастырь – это, конечно, Донской монастырь, что совсем недалеко от ДСА – Дома студента-архитектора на углу Орджоникидзе и Вавилова, где через дорогу Станкостроительный завод и совсем рядом – знаменитый Дом-Коммуна Ивана Николаева на Орджоникидзе. Светящиеся буквы с названием завода были видны из моей комнаты, когда я училась в очной аспирантуре МАРХИ. Нередко буква «С» перегорала, и название читалось как «Танкостроительный завод», выдавая секрет Полишинеля.

Мы, аспиранты из разных городов СССР, часто ходили гулять в Донской монастырь. Там было удивительно спокойно и тихо. В ту пору в Донском размещалась фототека Музея архитектуры, а в Большом соборе стояли макеты знаменитых строений. Хорошо ли, что Донской после развала Союза снова стал монастырем – не знаю. Теперь, через 35 лет, я не могу там погулять по своим любимым местам. Жизнь монастыря накладывает жесткие ограничения на передвижение посетителей. Впрочем, и Москва переменялась. Той Москвы, что я знала и любила в 80-е, уже нет. Нет даже Москвы, которая была в начале 2000-х. Город стремительно меняется, теряя память поколений.

Жестяной архангел – фигурка, которая висела над столом Марка

Мееровича в комнате на десятом этаже ДСА, когда он учился в аспирантуре. Марк сам вырезал ее из консервной банки. Фигурка была очень изящной и запомнилась мне на всю жизнь.

Думаю, что помнят этого жестяного архангела с двумя трубами и мои аспирантские друзья, которые вечерами собирались в комнате Марка. На столе, когда мы приходили, обычно стояли стаканы с чаем и лежали миниатюрные бутерброды, сделанные Марком из двух-трех кусочков хлеба и маленького кубика масла: в аспирантуре Марк жил на одну стипендию, но всегда был готов поделиться с друзьями чаем и хлебом. Однажды, чтобы немного заработать, Марк подрядился косить траву на пыльном газоне перед ДСА. Мы этот газон называли «поле чудес в стране дураков». Косить он не умел, вдобавок и коса была тупая. К вечеру он стер в кровь руки, но мужественно отказался от помощи.

С Марком Мееровичем я познакомилась осенью 1984 года.

Жили мы вдвоем с Галиной Исходжановой на восьмом этаже, в комнате 813. Я только начинала учиться, Галина уже готовилась к защите диссертации. Однажды вечером она сказала: «Что ты будешь сидеть одна – пойдём, познакомлю с Марком Мееровичем и Ириной Великановой. Что-нибудь захватим вкусное, посидим, чай попьём».

Комната Марка была на десятом этаже (№ 1012) и на самом деле предназначалась вовсе не для